

Ирина Павлова

16+

Настоящие дети

Рассказ

Ирина Павлова
Настоящие дети

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Павлова И. В.

Настоящие дети / И. В. Павлова — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Нелегкое послевоенное время. Непростая судьба главной героини, сумевшей не растерять своей добродетели, несмотря ни на что. Работая не покладая рук, чтобы выжить, мать теряет духовную связь с единственным сыном. Но так ли все плохо? Запуская в мир добро, мы обязательно получим сторицей. Главное помнить, что человек пришел на Землю для того, чтобы научиться быть счастливым. Как это получилось у обыкновенной женщины, трудолюбивой и доброй. Читателя ждет настоящий деревенский колорит, босоное детство, самое простое и обыкновенное человеческое счастье.

Посылки сына

Пелагея Ивановна была одной из тех старушек, которых вы можете встретить в любой самой обыкновенной деревеньке. Лет ей было, может быть, не столь уж и много, но выглядела она очень старо. Тяжелый труд сидел теперь горбом за ее плечами, а тяжелое военное, а тем более послевоенное время отразилось на ее внешности. Была она неразговорчива, тиха. Но всегда очень добра. Я помню, какие вкусные пирожки и ватрушки она всегда пекла на праздники в своей русской печке на огромных листах. Поэтому мы, по нашей ребячьей расчетливости, всегда старались в такие дни играть где-то поблизости, с тоской поглядывая на заветную калитку, за которой вкусно пахло сдобой и самодельными конфетами из своего молока и сахара.

Дед Гена, муж Пелагеи Ивановны, в такие дни выходил на лавочку, немного навеселе от выпитой недавно рюмашки самогону собственного производства. Он, весело крикнув, затягивался папиросой и, хитро сощурился и поглядывая на нас, чему-то улыбался.

– Робята, щас-щас, никуда не убегайте! – уговаривал он нас. – Пирог уже скоро поспеет. Будут вам и ватрушечки, и плюшечки, и сахару кусок.

Сахаром назывались как раз те самые вкусные в мире самодельные конфеты из молока и сахара.

– А скоро будут? – наивно спрашивали мы, выдавая тем самым себя с потрохами.

– Да скоро, скорехонько уже. Да куда ж вам торопиться-то? Знай, бегай себе весь день да на речке плещись. Детство-то оно на то и придумано. Эх-хе-хе-е... Вот тогда, когда я еще был такой, как вы...

И дед Гена неизменно начинал рассказ про свое озорное детство или бесшабашную юность. Он был очень хорошим рассказчиком. Открыв рты, мы внимательно слушали, смеялись, засыпали деда вопросами. А он весь преображался, глаза задорно и весело сверкали. Почему-то нам казалось в тот момент, что перед нами мальчишка, такой же, как мы.

– Вот брешет, – однажды сказала Ирка Литвинова, одна из моих подруг.

– Ну?! – возразил дед Гена, обидевшись. – С чего бы это?

– Да ты же говоришь, что у тебя ноги болят. Вон с палочкой ходишь. А с ней по деревьям не полазаешь и на крышу с больными ногами не заберешься, – поддержал ее брат Мишка.

– А где уж тебе от сторожа убежать. Не сможешь! – говорил Колька Мотин, махнув рукой.

– А давай на руках бороться, тогда и посмотрим, кто сильнее, – бросал вызов дед Гена.

После побед деда над мальчишками все, что он ни рассказывал в дальнейшем, считалось автоматически правдой. Деда уважали. Да и как не уважать, ведь он на войне был. Уходил туда молоденьким пареньком, а пришел с орденом и с подорванным здоровьем. Говорят, ранен был и в госпитале лежал. Только рассказывать об этом очень не любил. Однажды Елена Анатольевна, наша учительница, пригласила деда Гену в школу рассказать нам о войне. Ждали мы его долго. Но он так и не пришел. Только вечером какой-то задумчивый и невеселый сидел на своей лавке да потягивал одну за одной папиросу.

– Дед Ген, ты чего в школу не пришел? – спросили мы его.

Он медленно и серьезно окинул нас взглядом, помолчал, вздохнул тяжело так, что от неожиданности мы замерли.

– Вы это, робят, завтра приходите. Бабка пироги будет печь. А щас бегите, бегите. Ну!..

А завтра нас ждал все тот же привычный дед Гена, веселый и озорной, со своими байками.

Деда, конечно, любили и чувствовали, что он нас тоже. Правда, это не мешало ему гонять нас из своего сада, куда мы частенько забирались надрать зеленых яблок и есть их потом с солью вприкуску, доставая из-за пазухи. Поймав так кого-нибудь из нас, не разбирая пола и возраста, он надирал как следует уши, весело приговаривая: «Получай урок, раз попался! На-ка тебе, держи на орехи!» Родителям он не жаловался, да и мы молчали как партизаны,

потирая красные, горящие огнем уши. На него не обижались, да и он делал вид, что ничего не произошло. Поэтому в его саду мы были частыми гостями. Хотя, честно говоря, старались и остальные сады и огороды не обижать, организуя налеты похлеще какой-нибудь саранчи, пока хозяева были заняты трудами праведными.

И вот так где-нибудь на середине рассказа деда Гены, в тот момент, когда мы, разинув рты или хохоча до слез, слушали его очередную байку, открывалась заветная калитка и выходила тогда еще полногрудая, но уже сильно сутулая Пелагея Ивановна. В руках у нее была огромная коричневая кастрюля, в которой румянилась сдоба.

– Заждались, касатики? – ласково спрашивала она.

– Нут-ка, робятки. Налетай! – командовал дед. И целая куча немых шустрых ребячьих рук ныряла в кастрюлю, толкаясь и хватая долгожданное угощение.

– Давай-давай, не стесняйся! – подзадоривал дед ребятню.

– Спасибо! Спасибо! – недружно раздавалось из набитых и жующих ребячьих ртов.

– На здоровье! На здоровье! Ешьте, касатики, поминайте всех родственников наших умерших.

Словно по команде, ребятня переставала жевать и копошиться и, приняв серьезный вид, крестилась, приговаривая: «Царство небесное». Пелагея Ивановна замирала, утирала пот с лица, а потом уносила за конфетами. Она возвращалась с целой чашкой нарезанных квадратами засахаренных светло-коричневых кусочков, которые так же мгновенно исчезали, как и сдоба из кастрюли.

И вот с тех прошло уже много лет, а я, признаться вам, дорогой читатель, ничего вкуснее в жизни не ела. Может быть, причина в том, что смешалось это с детством, с родной деревенькой, с зелеными лесами и лугами, с молодыми еще родителями, с ласковым, иногда палящим солнышком, с прохладной речушкой, босыми ногами, с колодезной наивкуснейшей водой, со стадом домашних коров, проходящих по деревне, с запахом парного молочка, выпиваемого по наказу матери «для крепкого здоровья» вечером после ужина.

Однажды к бабе Кате на лето из города приехал внук Рустам. С ним мы очень быстро подружились, и на следующий день он уже быстро удирал от хозяина очередного огорода, в который мы залезли за созревшей клубникой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.